

19 марта 1983г.

театр

Оживают строки Расула Гамзатова — Премьера пьесы литовского драматурга — у ермоловцев — Показывает «Утренняя заря»

Созвучно времени

заметки об аварском театре

Когда я узнал о том, что Аварский музыкально-драматический театр имени Гамзата Цадаса первым в стране поставил политическую драму журналиста - международного В. Большакова «Именем короля», удивления особого не было. Знаю этот театральный коллектив много лет, потому-то оперативный отклик театра, обратившегося к теме, в острой публицистической форме поднимающей то, что всег нас так волнует — к теме сохранения мира на земле и обуздания гонки вооружений, — показался вполне естественным. Коллектив театра как бы заранее был готов к такого рода сложной работе.

Мне повезло: не раз выезжал я с театром, бывал и в высокогорном Кахаб-Росо, на родине выдающегося аварского лирика Махмуда, где последние километры приходилось идти, если не карабкаться, пешком, и на Чиркейской ГЭС, в долинах Дагестана. Не раз имел возможность подтвердить первые впечатления, что взаимоотношения этого коллектива со зрителем строятся на самом главном — на том, насколько его искусство созвучно времени.

Хорошо помню кульминационный момент в строительстве Чиркейской ГЭС — перекрытие горной реки Сулак и начало образования Чиркейского моря. Мы с главным режиссером аварского театра Хайбулой Абдулгалпуровым видели, как все выше и выше поднимался Сулак, как медленно наступала мутная, вся в водовороты вода на древний аварский аул Чиркей, о котором писал Лермонтов. Аул уходил, но имя свое передал ГЭС — уникальному гидротехническому сооружению.

Строительство Чиркейской ГЭС стало, безусловно, событием и в жизни аварского театра. Почему? Объяснять, наверное, не надо: все новое в жизни горцев за последние де-

сятлетия как бы сфокусировалось в этой стройке. Театр, немало сделавший для раскрытия интернациональных черт характера советского человека, для освоения рабочей темы, не мог пройти мимо такого события. Он не стал ждать некоего «шедевра» и взял в работу «Чиркейскую легенду» молодого драматурга Т. Асланова. И не ошибся. Новая работа приближала театр к тому лучшему, что у него было. А лучшее это связано с именем Расула Гамзатова, чье творчество определяет основное направление театра.

Спрашиваю Абдулгалпура: чем особенно интересен театру Расул Гамзатов? Ответ простой: конкретным мироощущением. Для режиссера это не отвлеченная формула, это слова, которые отражают богатейший творческий мир поэта и его, поэта, личность.

Первой крупной постановкой самого Х. Абдулгалпура, ныне народного артиста ДАССР, была давняя пьеса Р. Фатуева «Горцы» (Р. Фатуев участник гражданской войны в Дагестане). Основной недостаток пьесы — определенный схематизм. Но это не испугало молодого выпускника аварской студии при Тбилисском театральном институте Хайбулу Абдулгалпура. Сокровенное чувство времени — вот что режиссер, уроженец высокогорного аула, остро и горячо ощутил в этой драматургии. Спектакль «Горцы» на аварской сцене получился не только живым, искренним, но и предельно узнаваемым, а стало быть, и современным. Искренность, жизненность, осознанность — это, пожалуй, ос-

новные черты почерка режиссера.

После дерзкой и неожиданной постановки «Горцев» молодой режиссер, возглавивший тогда аварский театр, обратился к творчеству Расула Гамзатова. Там, в его поэзии, время было выражено со всей определенностью. Но чем полнее оно было выражено в ней, тем более сложная задача вставала перед театром: не иллюстрировать мир Расула Гамзатова, а искать свой подход к освоению его на сцене.

Уже в «Горянке» — одной из самых значительных поэм Расула Гамзатова — образ горской женщины на аварской сцене вплотную приблизился к тому, каков он в поэме: поэтический, он в то же время был доподлинно жизненным, конкретным.

Ошибочно, однако, было бы думать, что достаточно было один раз более или менее удачно поставить «по Гамзатову», чтобы обрести ключ, которым можно было без особых усилий и дальше открывать «своего» поэта, Расул Гамзатов — художник многомерный, постоянно развивающийся, неожиданный. Вряд ли и сейчас можно точно определить, вернее, замкнуть в жанровые границы его книгу «Мой Дагестан» — это и публицистика, и лирика, и художественная проза, которая всякий раз по-новому соотносится с сегодняшним днем. Малейший перекос в архитектонике спектакля, огрубление сложной и подвижной внутренней структуры книги могли бы нанести непоправимый вред цельности ее сценического воплощения. «Мой Дагестан» на аварской

сцене был поставлен тактично, по-своему неповторимо.

Неповторим на сцене и спектакль «Песнь о матери». То, что однажды было найдено в той же «Горянке», в новой постановке могло обернуться штампом. Надо было искать заново то, что отвечало духу именно этого произведения. Так от спектакля к спектаклю в театре все полнее и объемнее проступал мир поэта. Справедливости ради скажу, что не все спектакли по нему ставил Абдулгалпуров, над произведениями Гамзатова работали и другие режиссеры, со своим почерком. Но именно различия подходов и обогащали главное направление, которое избрал театр. Исчерпано ли оно? Двух ответов здесь и быть не может. Разве может быть исчерпано то, что несет в себе жизнь?

Многое может дать обращение к другим авторам, к творчеству, скажем, Эффенди Келиева — одного из основоположников советской дагестанской литературы. Вот о ком поставить бы спектакль, вот чьи дневники военных лет инсценировать! Действительно, каким бы это было открытием и новых граней нестареющей темы — человек на войне, и богатейшей личности самого Келиева. Среди лепелищ и смерти — человек и мир, человек и история, человек и космос (и об этом думал Келиев) у него в единой неразрывной связи. И как же сегодня ценно это проникновенное чувство художника, его провидения, его вера в наш сегодняшний день!

Андрей
КРШИЖАНОВСКИЙ.